

Принцесса Юнъань, словно в шутку, добавила:

— Позавчера слышала, как люди говорят, что в столице жить — нелегко, мол, цены на жилье кусаются. Мне же эти слова кажутся смехотворными. Семья вроде Шао, выходцы из глухой деревни, смогли купить в столице трехчастный особняк, а господин Шао еще и собирается перевезти сюда родителей и родню. Очевидно, что все эти жалобы выдуманы бездельниками.

Император Цзяньдэ нахмурился, глядя на невозмутимую дочь, и спросил:

— Откуда тебе знать о делах семьи Шао?

Принцесса Юнъань, приняв вид заботливой старшей сестры, ответила:

— Отец, я хочу сосватать третью сестру, вот и навела справки о семье жениха. Если бы Шао были нищими, неспособными даже на покупку дома, разве после свадьбы они не набились бы всей оравой в особняк принцессы?

— Об этом браке больше не говори, — отрезал Император Цзяньдэ.

Принцесса Юнъань, словно внезапно опомнившись, пробормотала:

— Трехчастный особняк... небось стоит тысячи лянов серебра. Непонятно, откуда у господина Шао такие деньги...

Император не рассердился. Он прекрасно знал подоплеку этой сделки: особняк был фактически подарен семье Шао домом князя Хуая. Князь не мог открыто отблагодарить Шао Юя за спасение своего наследника, вот и нашел такой способ. Поэтому, как бы принцесса ни намекала на алчность Шао Юя, Император оставался непреклонен.

— Делами чиновников ведает цензорат, — сказал Император, — тебе, принцессе, незачем ломать над этим голову.

— Я пекусь о государственном благе, — принцесса выдержала паузу и продолжила: — Пусть я женщина, но тоже хочу разделить с отцом груз забот о стране.

— И что же, по-твоему, сейчас вызывает у меня тревогу?

— Не что иное, как соляная промышленность в Цзяннани.

Император смотрел на нее с отеческим снисхождением, но принцесса, привыкшая к вседозволенности, не видела в своем поведении ничего предосудительного. Однако на душе у Императора становилось все тревожнее. Раньше он не обращал внимания на старшую дочь, зная лишь, что она иногда ходатайствует за кого-то, но это были пустяковые просьбы о мелких должностях. Он не придавал этому значения, не подозревая, что потакание лишь раздувает ее амбиции. Теперь же она замахнулась на основы государственного строя.

Тайная стража уже докладывала о тайных встречах принцессы с наследником князя Ляна в чайных домах. Император надеялся, что любимая дочь проявит благоразумие, но она, напротив, увязла в интригах по уши. Если бы принцесса была героиней с собственным видением политики и помыслами о благе страны, а не о личной выгоде, он, возможно, рискнул бы провозгласить ее наследницей. Но он осознал, что у него не будет сыновей, а из пяти его дочерей ни одна не способна править. Сделать одну из них императрицей означало бы свергнуть страну в хаос.

Принцесса Юнъань, ничуть не смущаясь, продолжала настаивать:

— На мой взгляд, господин Су Хуэй подошел бы идеально. Он человек прямой, не терпит фальши, и в Цзяннани непременно добьется успеха.

Император внутренне содрогнулся. Если бы он не был предупрежден, то вполне мог бы назначить этого Су Хуэя. Тот слыл неподкупным критиком, но тайная стража выяснила, что за спиной он тесно связан с домом князя Ляна.

Здоровье Императора действительно пошатнулось, но не настолько, чтобы он был при смерти. Он подумывал о выборе наследника из числа членов императорской фамилии, но никак не мог решиться. Его братья давно погибли или были искалечены, а те, кто остался, были лишь его бывшими сподвижниками. Князя Лян и Хуай были сыновьями наложниц, их матери не имели влияния, поэтому они примкнули к тогда еще наследному принцу, а позже получили титулы за заслуги. Изначально они не претендовали на трон, но, видя, что у Императора рождаются лишь дочери, а сыновья умирают в младенчестве, начали строить свои планы.

Хотя Император приблизил к себе многих молодых родственников, все понимали: борьба развернется между домами Хуая и Ляна. Князь Лян был жесток, князь Хуай — слаб здоровьем, но их наследники были выдающимися талантами, выделявшимися среди прочих. Император знал об их вражде, но не ожидал, что в борьбу втянутся и его собственные дочери.

В конце прошлого года наследник князя Хуая, тайно вызванный в столицу, подвергся нападению и пропал без вести. Долгое время наследник князя Ляна оставался единственным фаворитом. Но Император, наблюдая за ним, чувствовал, что чего-то не хватает. Когда же наследник Хуая благополучно вернулся, Император приказал тайной страже следить за обоими, и это принесло плоды. Наследник Хуая, хоть и был молод, оказался отличным исполнителем. Наследник же Ляна, будучи весьма способным, вел себя слишком уж расчетливо: ради доброй славы задаривал чиновников и скупал сердца людей, что вызывало у Императора лишь неприязнь.

Императора злило не то, что наследник Ляна пытался устранить соперника — правитель должен быть тверд, — а то, что ради интриг в соляной сфере тот разрушил все его планы. Его слабость перед лицом алчных чиновников Цзяннани была недостойна будущего монарха.

— Это государственное дело, мне нужно все обдумать, — Император сделал паузу и добавил, жалея дочь: — Не стоит тебе ломать голову над делами двора.

Принцесса Юнъань, решив, что дело сделано, ликовала.

Через несколько дней был издан указ: наследник князя Хуая назначен инспектором соляной промышленности Цзяннани, а новым соляным цензором стал ученый Академии Ханьлинь Фан Цзи. Наследника князя Ляна отправили в Гуйчжоу разбираться с проблемой скрытых домохозяйств. Фан Цзи доселе держался в тени, и теперь наследник Ляна понял: это доверенное лицо Императора.

— Ваше Высочество, принцесса начала давить, — осторожно произнес Чжэн Тань.

Наследник князя Ляна пришел в ярость:

— У нее еще хватает наглости требовать деньги? Аппетиты огромные, а толку никакого!

— Если не заплатим, боюсь, она затаит обиду... — прошептал Чжэн Тань.

— Не паникуй, деньги отдай, — процедил наследник. Он боялся гнева принцессы, ведь та пользовалась безграничным доверием Императора. — Наследник Хуая должен был умереть! Как он выжил? Сборище никчемных идиотов, даже убить одного человека не смогли! Разузнайте, как этот щенок вернулся живым.

В соляных делах ловить стало нечего, а его самого ссылали в нищий Гуйчжоу, в то время как богатая Цзяннань ускользала из рук. Это было ясным сигналом того, на чьей стороне симпатии Императора. Наследник был вне себя от ярости.

— Раз в прошлый раз не удалось его прикончить, теперь он настороже, — инструктировал он Чжэн Таня. — Люди Хуая — не промах. Раз в соли ничего не вышло, ступай в Цзяннань. Скупай ткани, используй те самые станки из лавки Цзиньсю, нанимай ткачих. К осени цена на ткань должна взлететь до небес!

Лавка Цзиньсю скупала шелк-сырец в огромных количествах, взвинчивая цены, чтобы вытеснить конкурентов, а затем обваливала закупочные цены. Прodelав это с сырьем, они искусственно завышали стоимость готовой ткани, ввергая всю отрасль в хаос.

Шао Юй, хоть и не был повышен в должности, благодаря расположению Императора получил право помогать в сортировке докладов. В большинстве из них о росте цен на ткани упоминалось вскользь, лишь доклады из Южной провинции придавали этому значение. Шао Юй, изучив бумаги, пришел в ужас: за резким скачком цен всегда стоит чей-то умысел. Он представил Императору сводку по всем регионам.

Император сразу понял, к чему все идет: половина тканей страны производилась в Цзяннани, и рост цен начался именно там, с появлением определенных купцов. В докладах из Цзяннани об

этом — ни слова. Император был в ярости от продажности местных чиновников.

— Цзыцзюэ, есть ли у тебя идеи? — спросил Император.

Шао Юй, часто бывавший при дворе, обладал свежим взглядом. Наступала осень, и если цены не упадут, зимой люди будут мерзнуть.

— В докладах упоминаются новые ткацкие станки, повышающие производительность, — начал Шао Юй. — Урожай шелка был хорошим, значит, цены должны были упасть, а не вырасти. Это чей-то злой умысел. Нужно расследовать, кто за этим стоит. Рост цен на ткань бьет по карману народа, снижая их покупательную способность. Это цепная реакция: страдают смежные отрасли — шелководство, пошив одежды. Если не вмешаться сейчас, через пару лет последствия станут необратимыми.

Шао Юй предложил установить официальные закупочные цены на шелк и усовершенствовать ткацкие станки.

— Если казна построит ткацкие мануфактуры, в будущем году мы сможем выбросить на рынок дешевую ткань, и спекулянты ничего не смогут сделать.

— Этой зимой многие замерзнут, — вздохнул Император.

— Можно распространить в народе технику плетения из травы — это дешевый способ согреться, — предложил Шао Юй. — Также стоит поощрять открытие лавок по прокату одежды. Это поможет людям пережить зиму, пока казна не стабилизирует рынок.

Шао Юй понимал: тот, кто затеял эту игру, мыслит масштабно. Но если цены стабилизируются, все его затраты пойдут прахом.

В то время как в Цзяннани бушевали страсти, в Гуйчжоу ситуация была не лучше.

— Наверняка мой дорогой кузен сейчас ломает голову над местными племенами, — усмехнулся наследник князя Хуая.

В Гуйчжоу, горном крае, процветали скрытые домохозяйства, подчинявшиеся местным вождям, а не императорским чиновникам. Наследник князя Ляна, привыкший к роскоши, чувствовал себя здесь как в ссылке. Он не умел договариваться, лишь отдавал приказы, и в итоге настроил против себя всех местных властителей.

Шао Юй, находясь в центре событий, понимал планы Императора. Он уже перешел дорогу

наследнику князя Ляна, мстительному человеку, поэтому надеялся на успех наследника Хуая.

Шао Юй, будучи любимцем Императора, отклонял все предложения о союзах. С домом Хуая у него было молчаливое согласие: они следовали его советам по реформе, а он защищал их при дворе.

Однажды, когда Шао Юй вновь выразил симпатию к наследнику Хуая, Император с проницательным взглядом спросил:

— Ты тоже, как и старые чиновники, хочешь, чтобы я поскорее назначил наследника?

Шао Юй невозмутимо ответил:

— Неопределенность беспокоит подданных, это естественно. Но я считаю, что Ваше Величество в расцвете сил, и спешить не стоит. Если же Вас это тревожит, можно назначить наследника тайно.

Император прислушался к совету о тайном престолонаследии, что на время утихомирило двор.

Прошло два года. Соляная реформа в Цзяннани стабилизировалась, а в Гуйчжоу десять племен подняли мятеж. Наследник князя Ляна, доведший ситуацию до края, в своих докладах винил во всем коварство туземцев. Началась карательная операция, затянувшаяся на месяцы. Итог был плачевным: скрытые домохозяйства никуда не делись, а авторитет наследника Ляна рухнул.

Все понимали — трон достанется наследнику Хуая.

Шао Юй к тому времени уже служил в цензorate. Фан Хуэйнян ждала второго ребенка. Многие пытались завязать с ним дружбу, предлагая красавиц, но Шао Юй неизменно отказывался, ссылаясь на бедность. Слухи о его мужской несостоятельности, когда-то ходившие по столице, развеялись сами собой с рождением детей.

<http://bllate.org/book/25708/3072685>